

М Е Н А
31 ОКТ 1976

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

МИМЫ ЖДУТ ДРАМАТУРГОВ

В ДЕКАБРЕ прошлого года ленинградцы впервые познакомились с молодым Театром-студией пантомимы: гости из Москвы показали тогда спектакль «Преодоление», посвященный 500-летию со дня рождения Микеланджело.

Сейчас во Дворце культуры имени Ф. Э. Дзержинского проходят гастроли этого коллектива, который, помимо «Преодоления», показывает и новую свою работу — спектакль «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты».

Руководит коллективом дипломант режиссерского отделения ГИТИСа Гедрюс Мацкявичюс.

ТЕ из ленинградцев, кто несколько лет назад видел гастрольные спектакли («Каприччио XX века», «Коллаж», «Esse homo») Каунасского театра пантомимы, наверное, помнят этого человека. В каждом из названных спектаклей он играл роль ведущую или значительную.

Если вам к тому же удалось посмотреть спектакль «Преодоление», то вы, конечно, тоже не могли не обратить внимания на Гедрюса Мацкявичюса, игравшего главного героя — Микеланджело. Правда, потом из разговора выяснилось, что в тот раз Гедрюс оказался на сцене «случайно». «Уже три года, — объяснил он, — как я перестал быть мимом-актером и занимаюсь только режиссурой пантомимы, ставлю спектакли для пантомимической студии Московского ДК имени академика Курчатова».

— Гедрюс, как вы начинали?

— Сперва в самодеятельности, потом — статистом в Молодежном вильнюсском театре, где встретился с Модрисом Тенисоном. Тогда-то и организовалась наша группа мимов, которую вскоре пригла-

сили на правах мимов-профессионалов в Каунасский драматический театр.

Но нам не хватало знания ремесла театра, что позволило бы реализовать собственные возможности, быть на сцене адекватными самим себе. Нам нужно было учиться, нужно было постичь основные законы театра, которые важны и действительны в любом из сценических искусств. Пантомима здесь не исключение.

— И вы поступили в ГИТИС?

— Да.

— У кого вы учитесь?

— Это мастерская Марии Осиповны Кнебель.

— Скажите, специальность режиссера драматического театра выбрана вами потому, что режиссеров пантомимы практически ни в одном высшем учебном заведении страны не готовят?

— Нет. Сделал я этот свой выбор намеренно, сознательно. Во-первых, на мой взгляд, основа двух этих специальностей единая. Во-вторых, мне слишком часто приходилось слышать упреки в адрес пантомимы со стороны людей,

занимающихся драматическим театром. Иногда их нарекания были справедливыми, иногда — очень обидными, потому что люди брали на себя смелость отрицать пантомиму, не дав себе труда узнать, разобраться, что же это такое.

— А что такое пантомима, на ваш взгляд?

— На этот вопрос я не дам вам ответа, который уместился бы в краткой формулировке. Такой ответ был бы слишком формальным. Уверен, окажись на моем месте режиссер драматического театра или кино, он сделал бы то же самое. Но объяснить я постараюсь... Правда, сделаю это неохотно: на словах подобные объяснения часто выходят слишком «заумными», на деле являются вещами простыми и понятными каждому.

Думаю, никто не станет оспаривать общеизвестную истину, что каждый человек — это некий микромир, а в противоположность данному понятию есть макромир. Существуют они не порознь, вернее, не только порознь. Вот над этим «средним звеном» (режиссер драматического театра сказал бы, наверное, «сердцевинкой»), объединяющим два названных мира, и властвует драма. Ее «дело» — проследить столкновение микро- и макромиров.

С помощью же пантомимы театр может выявить собственно бытие макро- и микромиров. Это важно. Ведь таким образом мы сможем докопаться,

с одной стороны, до глубинных «субъективных» мотивов, которыми во многом и определяются поступки человека, с другой стороны — воспроизвести объективную логику существования, которой подчинено все земное бытие.

Но из этого не следует, что пантомима призвана отразить лишь гармонию, ведь всякий мир существует за счет внутренней борьбы, всякий мир конфликтен, а тем более тот, который имеет себе антипода.

Если продолжить эти рассуждения дальше, то можно понять, как много точек соприкосновения у пантомимы с драмой. Но как раз это обстоятельство рождает множество трудностей в конкретной работе над какой-нибудь постановкой.

— А что дается в конкретной работе труднее всего?

— Сценарий. Вернее, отыскание той логики развития сценического действия, которая была бы легко воспринимается зрителем и могла бы быть выражена средствами пантомимы. К сожалению, мимы лишены помощи драматургов. Здесь чаще всего приходится прибегать к монтажу, искать ассоциативные ходы.

— Почему, поступив в ГИТИС, казалось бы, уйдя от профессиональной пантомимической практики, вы почти одновременно стали руководителем самостоятельного пантомимического коллектива?

— Это получилось невольно, как-то само собой. Приехав в Москву учиться, я думал, что во всяком случае некоторое время не буду заниматься пантомимой. Нынешние студии сами обратились ко мне, и тут уж, как говорится, сердце не выдержало. Мы отыскивали помещение — Дом культуры имени Курчатова — и принялись работать. Это тоже учеба — работа в театре.

Беседу вела
Ел. МАРКОВА